

Кирилл
Плетнер

ТРИ
РУБЛЯ
НА СВЕТЛЫЙ
ДЕНЬ

Кирилл Плетнер

Три рубля на светлый день

«Алетейя»

2020

Плетнер К. В.

Три рубля на светлый день / К. В. Плетнер — «Алтейя», 2020

ISBN 978-5-00165-138-3

Будущее вершится из прошлого на наших глазах. В книге происходит настоящее — для кого-то болезненное, для кого-то смешное. Историк литературы может назвать эту книгу сборником коротких рассказов современного интеллигента. Насколько эти рассказы коротки, насколько современны и насколько интеллигентны — решать и разгадывать каждому отдельному читателю из традиционного широкого круга.

ISBN 978-5-00165-138-3

© Плетнер К. В., 2020

© Алтейя, 2020

Содержание

Предисловие	5
Папа – коллекционер случайного	6
Открытки	7
Один дурак придумал	9
Рюмочная	11
На каникулах	13
Очки	14
Папа и Михалков	15
Музыка навеяла	16
Фуражка	17
Не обращай внимания	18
Как папа спасал моего старшего брата	19
Яблоки	20
Папа приехал	21
Израиль	23
Привычка держаться	24
Ножны нужны	25
Инсульт	26
Папа и психи	28
Помывка	29
Сифилис	30
Кумган	32
Урок географии	33
Часы на башне	34
Петух	35
Корабль	36
Древо	37
Миха	38
Крым	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

К. В. Плетнер

Три рубля на светлый день

Предисловие

– Вы отправили мои тексты? – спросил я пресс-секретаря издателя. Последнему понадобилось ознакомиться с образчиками моего стиля.

– Да, в тот же вечер. Там все начиналось выразительно – с блядей.

– Каких блядей? – испугался я, подумав, что перепутал файлы. Со мной это бывает.

– Ну как же? На первой странице, там сразу было про блядей.

Стали разбираться, и выяснилось, что это не про блядей, а про то, как папа подростком был в банде. И они с главарем, семнадцатилетним одноруким Леней, устроили перестрелку в Ташкенте на вокзале с военным патрулем. Папа кричал патрулю, отстреливаясь из пистолета ТТ: «Мы вас, блядей, в крошку посечем!»

Фуф, хорошо, что не про блядей.

Папа – коллекционер случайного

Открытки

Папа ушел из семьи, когда я учился в первом классе. Он уехал в Москву, приезжал редко, на дни рождения присылал открытки или телеграммы.

«С днем рождения, сынок!

Желаю тебе быть успешнее и удачливее своего отца, – писал он. – Пусть в твоей жизни будет хорошее, а плохое мы отметем, по крайней мере, постараемся.

Совершенно не знаю, что ты за человек.

Ты никогда не отвечаешь.

Не считаешь нужным?

Не уважаешь своего отца?

Так и напиши. Я не обижусь. Значит, заслужил».

На это письмо я тоже не ответил. Я положил открытку в коробку из-под зефира, куда складывал все его письма.

С интересом разглядывая рисунки на открытках, разбирая завитушки трудного отцовского почерка, я думал, что они такие же выющиеся, как и его светлые волосы.

Папа, вроде бы, писатель.

– За славой поехал в Москву, – сказала мать, – пусть катится. Она говорило об отце редко, кратко и плохо.

– Однажды летом мы приехали на Украину к бабушке и шли по полю подсолнухов, – рассказывала она. – И Плетнер – мама всегда называет отца по фамилии, поэтому мне долго не нравилась моя фамилия, – нес двухлетнего Вовку на руках. И его вдруг укусила за палец оса, и он – раз! – и уронил Вову на землю. Больно ему вдруг стало! – на лице у мамы было презрение.

Под влиянием маминых реплик, ее коротких рассказов у меня вырисовывался образ отца-негодяя. Но было кое-что, что заставляло меня сомневаться в маминых словах.

Я знал: мой отец не такой, как все. Ни у кого в моем окружении не было папы-писателя.

В доме у нас было много книг. Я любил читать и точно знал, что книги пишут волшебники.

При наших редких встречах я молчал и застенчиво улыбался. А как еще вести себя при встрече с бородатым волшебником, который смотрит на тебя внимательными смеющимися глазами?

Однако никаких подтверждений тому, что папа – писатель, не было. Только наоборот.

Раз на каникулах в четвертом классе так случилось, что я попал к отцу и увидел, как он, чумазый от копоты, кидает уголь в топку котельной.

Вот так писатель.

У писателя должны быть книги, он должен быть знаменит, думал я. Вместо писателя я увидел черномазого кочегара.

Шли годы, я кое-как закончил восемь классов, учился в ПТУ. В доме у нас уже давно жил чужой человек, мамин муж – вполне обычный, работавший на атомной станции электриком.

Мысль, что мой отец – волшебник, сошла на нет. Другая, что папаша – подлец, бросивший нас, – укрепилась. Да и я уже редко задумывался о нем. Отцовская фигура превратилась в мираж.

Но однажды в нашей квартире раздался звонок в дверь.

На пороге стоял мужчина в черной шинели морского офицера. Это был папа.

– Привет, – сухо бросил он, прошел на кухню и сел за стол, не снимая шинели.

Он был без фуражки. Седой и бородатый, он походил на моряка-полярника, вернувшегося из арктической экспедиции. Два просвета и три золотые звезды на погонах капитана первого ранга. Два ряда золотых пуговиц с якорями на черной двубортной шинели.

Положив на стол тяжелые руки, папа сидел угрюмый и поэтичный, как писатель Александр Грин.

Позже выяснилось, что героический образ капитана родился из папиного похмельного морока.

Капитанскую шинель он спер случайно, пьяным оказавшись в военкомате.

Протрезвев, отец вернул шинель, но толком объяснить свой поступок не мог.

Мне кажется, я догадался, почему он предстал предо мной в виде мореплавателя.

Так мать-одиночка тклет героический образ, рассказывая сыну, что его пропавший отец – неустоимый путешественник или отважный летчик...

Жаль, что розовая коробка из-под зефира давно утеряна. Отец всегда со вкусом подбирал открытки.

Впрочем, бог с ней, с коробкой, потому что главное сохранилось. Почти все папины письма, на которые я никогда не отвечал, я помню наизусть, как стихи.

Один дурак придумал

В семьдесят третьем году прошлого века отец рассказал политический анекдот про Брежнева соседу. Тот написал донос в КГБ. Папу вызвали к следователю, провели разъяснительную работу.

Отец тогда был студентом-заочником Литературного института. Деду пришлось надеть фронтовые награды и договариваться со следователем госбезопасности, чтобы папу не выгнали с работы и не исключили из института. Вроде бы отвязались. Но спустя некоторое время папа обнаружил за собой хвост.

– Времена были вегетарианские, – рассказывал он. – Познакомился с этим опером, смотрю – нормальный мужик, стали с ним выпивать. Переборщили, конечно, он уехал и забыл у нас дома чемодан со звукозаписывающей аппаратурой...

Историю эту я знал от отца и решил уточнить детали у мамы.

– Один дурак придумал, а второй пересказывает, – сказала мама по телефону. – Не рви мне нервы, сынок, не говори ерунды.

Два разных образа отца есть у меня. Тот, что рисует мама, образ литератора-неудачника, который ушел из семьи, погнался за славой в Москву и погорел, – мне не нравится. Мне нравится другой, что сложился, когда я приехал учиться в Москву и сам стал общаться с папой.

Зная его авантюрный характер, я верю и в его рассказы. Мое воображение разжигают героические подробности его историй. Я представляю, как в трудное послевоенное время отец попал в банду подростков, главарем которой был семнадцатилетний однорукий Герой Советского Союза.

– Помню, мы с ним выпили графин коньяка в пристанционном кабаке, а потом отстреливались от военного патруля. «Мы вас, блядей, в окрошку посечем!» – кричал солдатам патруля однорукий, Леня его звали. Однажды он купил мне билет и силой посадил на поезд. Спас он меня, заставив уйти из банды. Сказал, учиться мне надо.

Историй было много.

Как-то папа собрался с любовницей в Ялту.

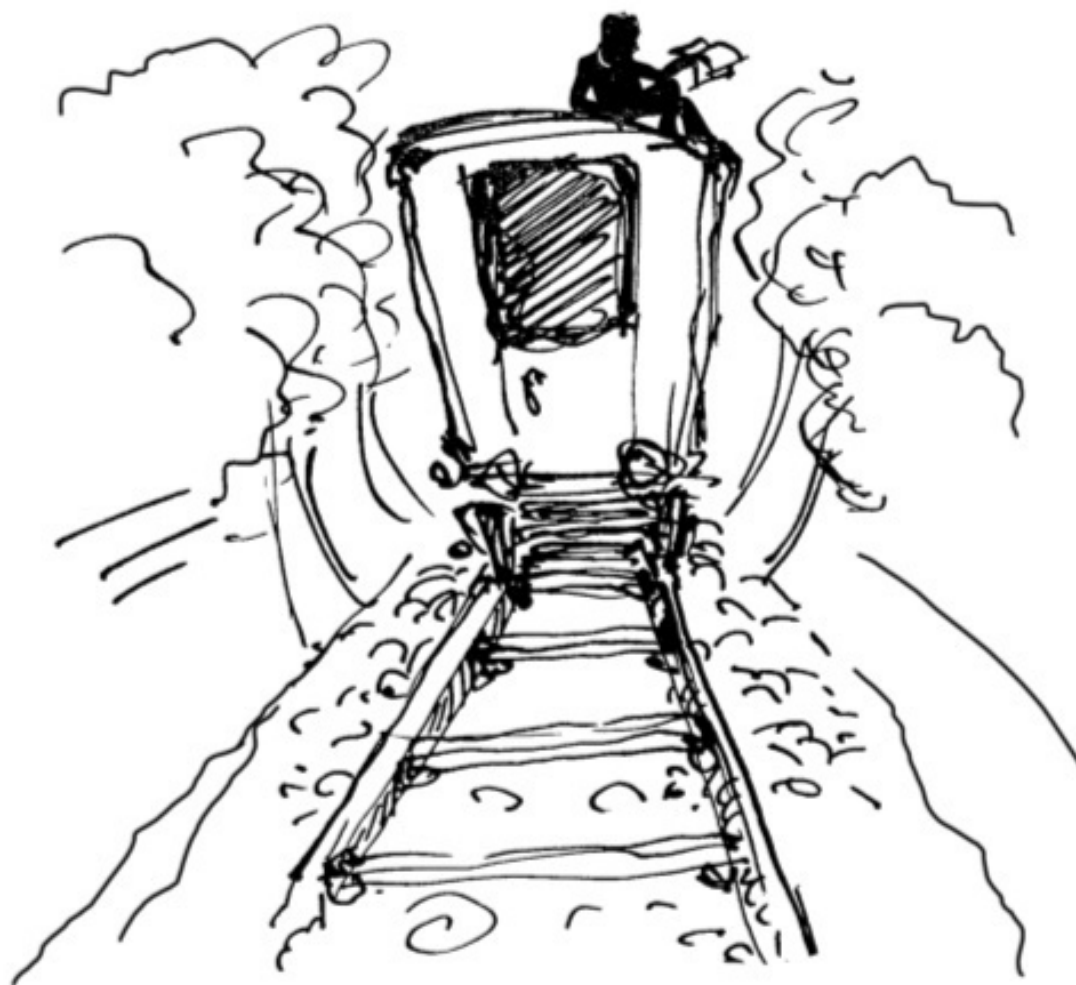
– Уже в купе с ней был, поезду отправиться, а тут муж неожиданно является. – Тут отец в анекдотических красках изображал мужа.

– Так обидно стало. Я залез на крышу поезда и ехал до Твери. А на остановке слез и пришел к ним – черный, как черт, от копоти. Представь?

Я засомневался, папа обиделся и предъявил мне том античной лирики. По его словам, он подкладывал книгу под себя, чтобы не сидеть на стальной крыше вагона.

Удивительно, но в желтую обложку действительно въелась гарь, а страницы со стихами Гомера и Сапфо пахли шпалами.

Конечно, отец иногда привирал. Но делал это красиво. Во втором классе он похитил у деда медаль «За отвагу», подделал удостоверение, прикрепил награду к школьному пиджаку и стяжал славу, рассказывая одноклассникам, как воевал в партизанском отряде и даже убил двух фашистов. Обман вскрылся, дед нещадно высек выдумщика, но не смог выбить из него страсть к сочинительству.

Рюмочная

Возле станции Болшево есть рюмочная. Мы с отцом туда иногда заходим.

Я приехал на две недели раньше вступительных экзаменов в институт, чтобы отец меня натаскал по литературе. Распивочная находится немного в отдалении от станции, слегка на задворках, так что отыскать ее могут только знающие люди. А мой отец – очень знающий человек.

В будни в рюмочной малоллюдно, чисто. Там стоячие столики, ледяная водка, свежайшие бутерброды с селедкой и шпротами, украшенные кольцами лука. За прилавком скучают две молодые подавальщицы. Одна блондинка, другая брюнетка. Бойкие, в белых накрахмаленных передниках и аккуратных пилоточках, похожие на поварих из книги «О вкусной и здоровой пище». Девушки узнают отца, улыбаются ему.

– Посмотрите, какой у меня сын! – гордо представляет меня подавальщицам отец. Девушки кокетливо хихикают. Я смущаюсь.

Мы берем по пятьдесят водки, по стакану томатного сока, по бутерброду, отец – с селедкой, я – со шпротами. Потом отец заказывает еще по пятьдесят, а я еще один бутерброд. Водка разжигает аппетит, рыба нежнейше тает во рту, лук вкусно хрустит на зубах, наполняя рот сладкой горечью.

После – черный чай с лимоном. В граненых стаканах чай фантастически рубинового цвета. К нему полагается шоколадная конфета. Мы берем одну и режем ее ножом, не снимая фантика.

Захмелев, я без стеснения рассматриваю девиц за прилавком. После водки черты их лиц становятся медальными, а фигуры – приятно округлыми.

Потом мы идем пешком домой в Старые Горки, в отцовский дом.

Отец идет впереди, засунув руки в карманы куртки. Походка у него стремительная, его седые волнистые волосы и седая борода развеваются на ветру. Я едва успеваю за ним, хотя почти на голову выше.

По дороге он несколько раз так резко останавливается, что я налетаю на его спину.

– Набоков до «Лолиты» – просто литературный бухгалтер, – сообщает отец и смотрит на меня голубыми, немного выцветшими от времени глазами. Выражение лица у него самое продувное. Он чиркает спичкой и, ловко поймав ветер в кулак, прикуривает сигарету. Мне кажется, мой папа немного похож на хитроумного Локи, героя скандинавского эпоса. Составившегося, но все еще невероятно энергичного.

– Бухгалтер? – переспрашиваю я.

– Да. В таких черных бухгалтерских нарукавниках и круглых очках. Знай себе щелкает костяшками на счетах и записывает в большую амбарную книгу аккуратные буковки.

– Как мне это пригодится на экзамене?

Папа обижается, отворачивается и своей быстрой походкой устремляется вперед. Мне приходится почти бежать за ним.

– Этот странный доктор, задохнувшийся дырявыми легкими в душной яме Ялте, – говорит отец, опять резко остановившись.

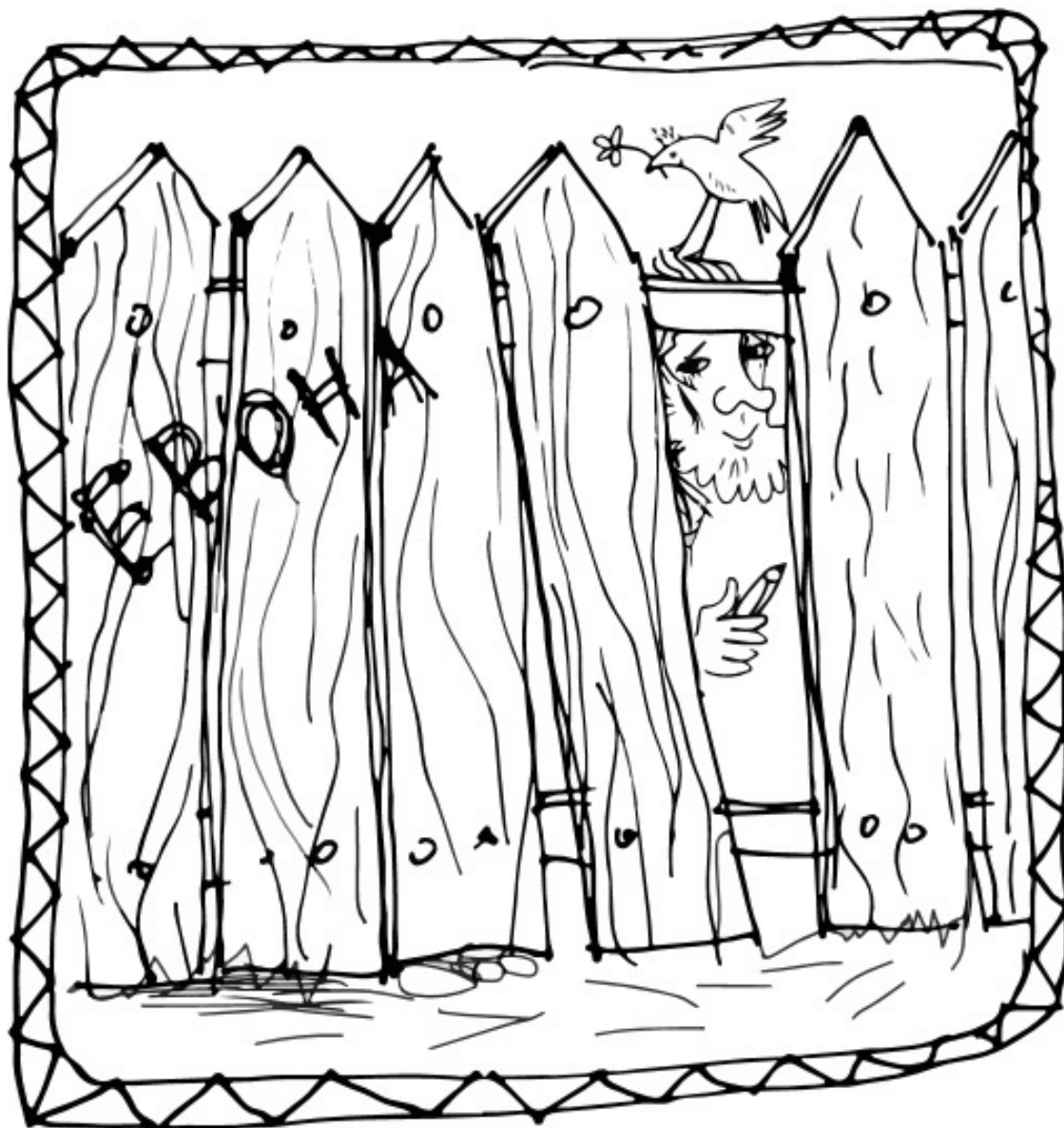
– Чехов? – догадываюсь я.

– Пример аллитерации.

Лучшие в моей жизни лекции.

На каникулах

- Что ты будешь делать на каникулах? – спросил я отца. Он тогда преподавал русский язык и литературу в гимназии.
- Буду исправлять ошибки в словах, которые дети пишут на заборах.

Очки

Однажды отец выпил и потерял свои очки. Он преподавал, очень много читал, что-то печатал на машинке, и очки были нужны ему просто позарез.

Денег, чтобы купить новые, не было, потому что папа пропил всю свою учительскую зарплату. Я помочь никак не мог – был студентом.

Папа очень страдал.

Но как-то приезжаю: сидит и бодро стучит на печатной машинке, а на носу у него – очки. Старые, в уродливой роговой оправе, с обмотанными скотчем дужками, но очки.

– Представляешь, – рассказывает мне папа, – повадился ко мне тут ходить один... Здесь рядом, на Горках живет. Узнал, что я писатель, решил мне свои сказки показать. И ходит, и ходит.

Папа молчит, закуривает.

– Ну и?

– Этот старый графоман где-то свои очки потерял по пьянке. А теперь уверяет, что забыл их у меня, а я, видите ли, их присвоил.

Я немею. Отец делает вид, что разговор исчерпан, надвигает очки поглубже на нос, берет книгу со стола, углубляется в чтение, даже что-то пишет на полях остро точенным карандашом.

– Отец?!

– Что? – Он сидит, уткнувшись в книгу.

– Зачем ты спер у мужика очки?

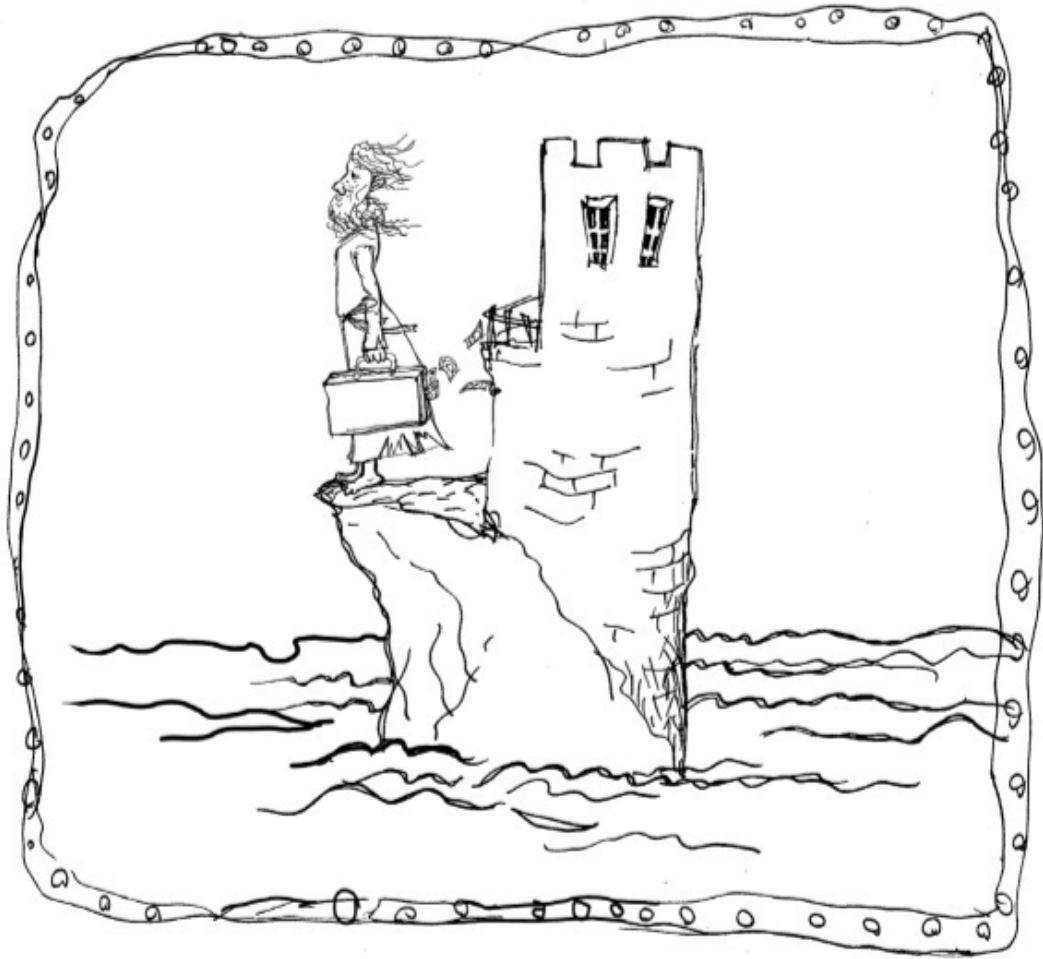
– А какого черта он ходит и читает мне свои дурацкие сказки?! – сердится в ответ папа.

– Почему же дурацкие?

– Да потому что у него все герои говорят каким-то ужасным одинаковым деревянным языком!

Папа и Михалков

Однажды в ЦДЛ папа на парадной лестнице столкнулся с Никитой Михалковым.

– О! – показал режиссер пальцем на папу.

Папа в этот момент только вернулся с заработков, из тайги, где год добывал и варил пихтовое масло. У него были длинные, немного выющиеся седые волосы до плеч, волнистая борода, как у Хоттабыча, и дерзкий взгляд.

– О, – воскликнул маэстро, – я беру вас на роль графа Монте-Кристо!

– Два миллиона долларов, – не раздумывая сказал папа.

– Почему так дорого? – удивился режиссер.

– Я подсчитал, – ответил папа, – столько заработал ваш отец за все переиздания «Дяди Степы».

Музыка навеяла

В Литературном институте папа писал диплом – критическую работу по прозе Битова. Когда диплом была закончен, случился скандал с неподцензурным литературным альманахом «Метрополь». Писатель Битов вместе с другими авторами альманаха оказался в советском стоп-листе.

Критическая работа отца в печать не попала.

Лет через десять, в девяностые, на каком-то литературном сходняке папа подошел к Андрею Битову.

– Не пора ли нам познакомиться? – в своей обычной бесцеремонной манере спросил он известного писателя.

Папа рассказал Битову, как он тоже погорел из-за «Метрополя». Они подружились, время от времени выпивали. У меня дома хранится с десятков книг, подписанных Битовым отцу.

Но потом папа опубликовал в «Независимой газете» интервью с А. Битовым и Т. Пулатовым под названием «Плейбой, Рамадан, плейбой».

Интервью получилось большое, на разворот, с выразительными фотографическими портретами классиков советской литературы. В нем Битов размышлял о женщинах, литературе и Боге, рассказывал, как он в канун главного мусульманского поста любит попариться веничком в баньке, потом идет в храм помолиться, а после и водочки не грех.

Главный редактор очень хвалил материал. Правда, вскоре выяснилось, что никакого интервью не было. Папа все от первого до последнего слова выдумал. Газете пришлось в следующем номере давать опровержение.

– Андрюша, ты же князь по духу, будь выше! – уговаривал папа смертельно обиженного Битова.

– Я представляю, с каким удовольствием будут цитировать эти твои безумные слова, – сокрушался Битов. – Как тебе вообще это в голову пришло?

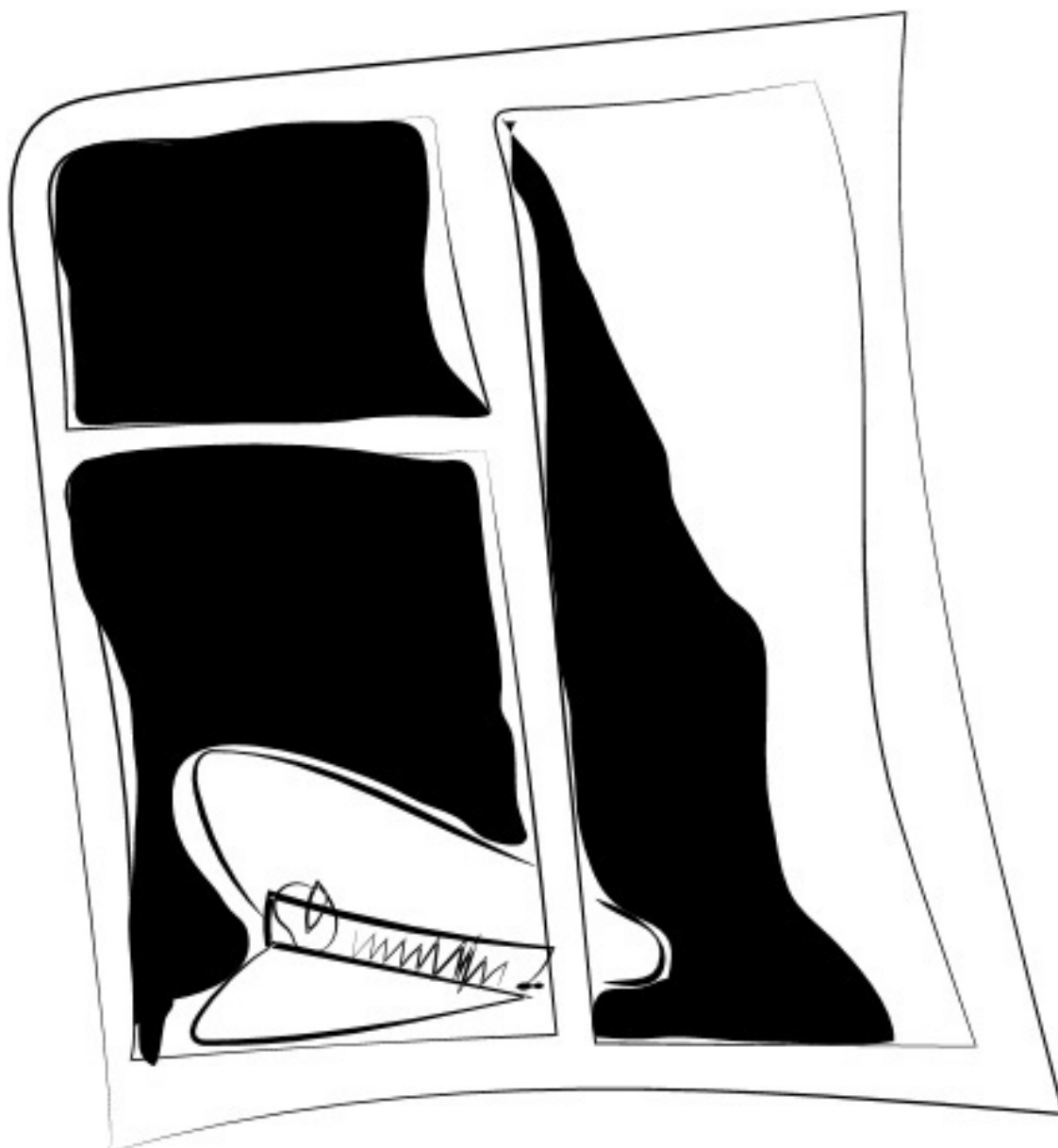
– Музыка навеяла, – пожимал плечами папа.

Фуражка

У себя дома в Болшеве отец долгое время держал на подоконнике милицейскую фуражку. Он рассказывал, что фуражка пригодится, когда он пойдет на дело. У него был план: ограбить Сергея Михалкова и отнять у знаменитого писателя и автора гимна Советского Союза два миллиона долларов, заработанных на «Дяде Степе».

А после того как папа опубликовал в «Независимой газете» интервью с Андреем Битовым и Тимуром Пулатовым, эти два классика отечественной литературы, по утверждению папы, скинулись, чтобы подослать к нему наемных убийц. Однако, увидев в окно милицейскую фуражку, киллеры струхнули и исполнять заказ отказались.

Немного завидую размаху, с которым жил мой отец.

Не обращай внимания

Как-то мы с папой сидели в Дубовом зале ЦДЛ. Народу было много, и, дожидаясь, пока нас обслужат, мы выпивали свое. У папы в его старом преподавательском портфеле всегда была бутылка. В хорошие времена – коньяк и «Сникерс», в худые – водка и куски крепко посоленного, поперченного хлеба. В тот раз мы пили молдавский «Стругараж». Мы уже приканчивали вторую бутылку, когда в зале появилась шумная компания изрядно поддатых мужчин. Впереди и в центре шел представительный долговязый тип в дорогом кожаном плаще до пола и в шляпе. Он направился к нашему столу.

– Здорово, Валера! – долговязый радостно хлопнул папу по плечу.

– Всякая падла будет меня по плечу хлопать, – мрачно сказал папа в ответ.

Долговязый как-то опешил. Его свита тоже замерла.

– Представьтесь, пожалуйста, – зачем-то сказал я долговязому, встав из-за стола. Я только вернулся из армии, был юн и горяч.

– Я те щас представляюсь, гаденыш, – высунулась из-за кожаного плаща недобрая очкастая физиономия и стала нагло двоиться у меня в глазах.

– Сядь на место, – строго сказал мне папа. Я послушался.

Свита долговязого угрожающе нависла над нашим столиком.

«Придется драться», – думал я. Прислушивался к телу и понимал, что ноги у меня стали ватные... Проклятый «Стругараж».

– Не обращай внимания, – холодно сказал папа, – давай лучше выпьем.

Пока мы выпивали, появился ОМОН, скрутил долговязого и компанию и потащил к выходу.

– Отец, а кто это был? – спросил я, когда мы остались вдвоем.

– Хозяин одного крупного издательства, хотел мой роман напечатать.

– Что же ты так с ним? – расстроился я.

– Не обращай внимания, – сказал папа, – давай лучше выпьем.

Как папа спасал моего старшего брата

Когда мой семнадцатилетний старший брат решил жениться на женщине из детдома с ребенком, мама плакала и вызвала папу телеграммой спасать сына.

Папа приехал, выпил водки, закусил квашеной капустой, послушал, как невеста, аккомпанируя себе под три аккорда, поет: «Гоп-стоп, я подошла из-за угла, гоп-стоп, ты много на себя взяла».

Потом он посмотрел, как невеста ловко делает кольца, выпуская папиросный дым из ярко накрашенного рта, и одобрил выбор сына.

– Хорошая женщина, я бы с ней сошелся, – вдумчиво заключил папа.

Яблоки

Рядом с домом, где жил отец, была чужая дача. Там за забором рос яблоневый сад. Хозяева дачи не приезжали все лето. Наступил уже конец сентября, и мы с папой все заглядывали за забор. Листья в саду облетели, и было хорошо видно, как прогнулись голые ветки под тяжестью мытых осенними дождями яблок. Их было много, и ночью они как-то совсем бесстыдно белели на фоне темного неба своими округлыми, чистыми, мокрыми боками.

Это зрелище оказалось нестерпимым для нас с папой.

Мы выбрали ночь, когда тучи по-разбойничьи закрыли собой звезды и луну. Было темно, тепло и сыро. И тихо – так, что слышно было, как много ниже, в поселке, за дачами и общественной баней в Клязьме, квакают лягушки.

Папа стоял на шухере и должен был передать мне большую дорожную сумку, как только я перелезу через забор и окажусь в саду.

Но все пошло не по плану.

Старый забор рухнул подо мной со страшным треском. Я упал вниз головой.

Тотчас звонко залаяли собаки во всей округе. Я замер.

«Засыпался, – думал я, лежа в чужом саду на земле и чувствуя щекой прохладные гнилые листья, – сейчас прибегут соседи, будет скандал».

Папа не подавал признаков жизни, будто растворился в темноте.

– Отец? – позвал я шепотом, когда собаки немного утихли и я понял, что опасность миновала.

– А я думал, ты убился... сынок, – каким-то не своим, сдавленным голосом отозвался папа. Он был рядом, шагах в трех, просто в темноте я его не разглядел.

Оттого, что он здесь, не струсил, не убежал, мне сразу стало спокойно и как-то по-дурацки весело.

– Сумку давай!

Я быстро наполнил ее яблоками.

Мы ели их пару недель. Это была неплохая добавка к столу студента и школьного учителя. Яблоки были хрустящие, в меру сладкие и в меру кислые, наполненные какой-то невероятной осенней свежестью.

С тех пор я больше не воровал яблок, ни с кем и никогда.

Папа приехал

Однажды, когда я жил вместе с родителями жены, неожиданно нагрянул в гости папа.

Родителю моему поначалу были рады. Все-таки писатель из Москвы.

В гостях папа повел себя как всегда, то есть непринужденно.

В первую же ночь папа курил прямо в гостиной, где его положили спать, и прокурил всю квартиру. Так, по его словам, он боролся с тучей комаров, которых сам и напустил в комнату.

«Они страшно угнетают мою нервную систему», – объяснял наутро папа теще и тестю, скроив ужасно страдальческую физиономию.

Потом папа съел всю чернику и землянику, которые тесть и теща два дня, старательно потея, отчаянно терпя укусы насекомых, собирали в лесу и на болоте.

Родитель же мой возлежал в теплой пене в ванной, отхлебывал из горла водку и вкусно закусывал ягодами. Часа через полтора, создав небольшую, но угрюмую очередь из желающих помыться, папа, распаренный, розовощекий и счастливый, выходил из ванной и сообщал всем что-нибудь жизнеутверждающее.

В этот день я нечаянно подслушал разговор.

Тесть – невысокий, юркий, лысый, с бородкой, невероятно похожий на Ильича. Для полного сходства не хватало только, чтобы тесть картавил. Но он не картавил.

«Я это так не оставлю», – сердито шептал он теще на кухне, потрясая белым пластмассовым ведерком, ко дну которого сиротливо прилипло несколько черничных листьев.

В тот же вечер теща собрала на папу большую компанию друзей. Папа был представлен, вальяжно развалившись на стуле, он значительно помалкивал, потом вдруг неожиданно прервал речь одной из гостей.

«Климакс», – четко и громко сообщил папа, глядя в лицо лучшей подруги тещи.

Женщина осеклась и стала хватать воздух ртом.

В этот самый момент тесть вскочил из-за стола и, сверкнув лысиной, вскричал: «Я это так не оставлю!» Он был пунцовый от злости и сжимал кулаки.

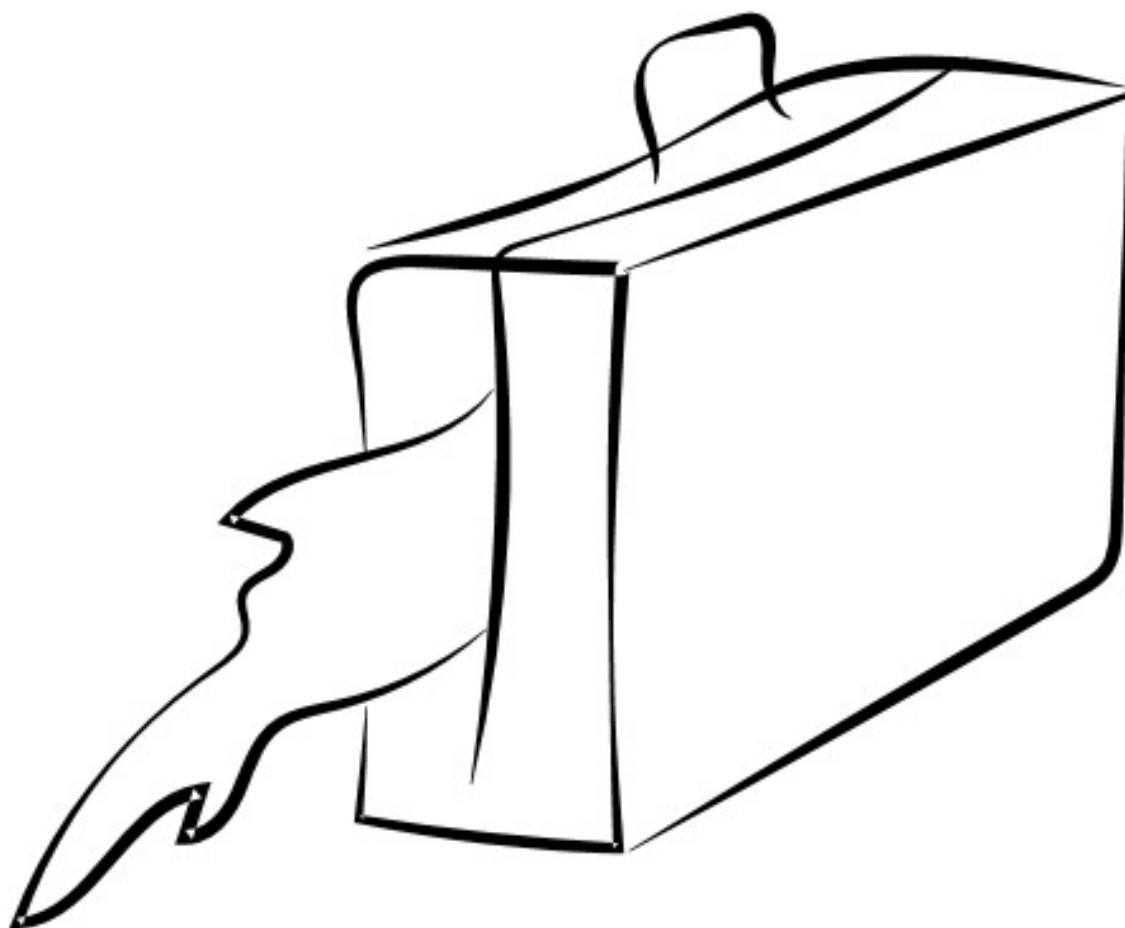
Папа не обратил на тестя никакого внимания и спокойно объяснил гостям, что климакс в переводе с греческого означает всего лишь «лестница». Потом он увлек гостей другим разговором.

Тесть, постояв и не зная, что предпринять, сел обратно на стул.

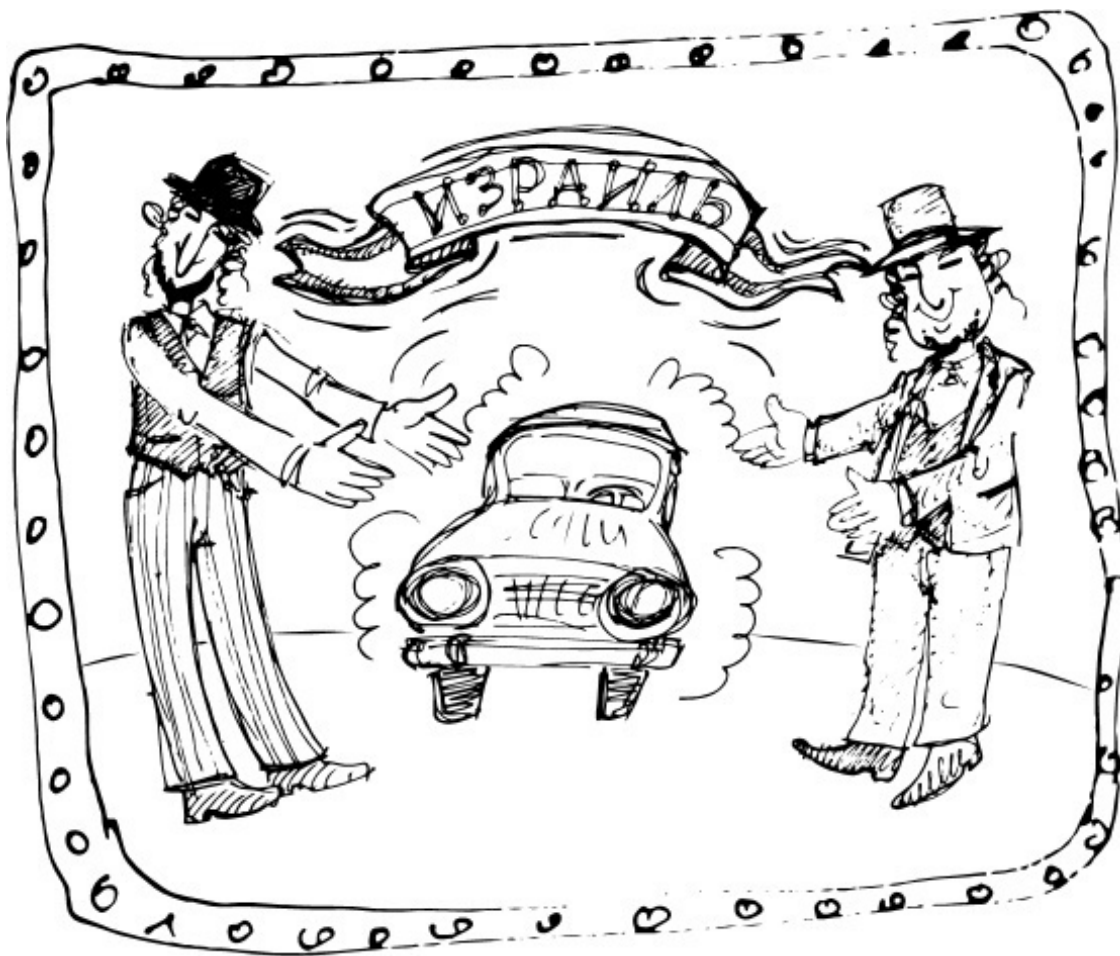
В тот вечер я еще несколько раз видел, как тесть в ярости ходил по квартире, сжимая кулаки, шепча и приговаривая:

«Я это так не оставлю». В течение следующих нескольких дней к этой фразе он добавил еще одну: «Это все плохо кончится».

Но кончилось все хорошо: когда папа уезжал в Москву, все были рады и крепко обнимали его, а тесть едва сдержал слезы радости.

Израиль

Как-то папа собрался уезжать в Израиль. То есть он стал вести беседы со мной.

– Поеду, – говорил он, – там, говорят, инвалидам первой группы «запорожец» дают бесплатно. Поживу под конец жизни как белый человек...

Полгода примерно такие разговоры вел, а потом вдруг остыл. Я спросил, что случилось.

– Передумал, – мрачно сказал папа.

– Почему?

– Не хочу. Там жарко и много евреев.

Привычка держаться

К врачам папа испытывал недоверие.

– Я уже давно сам профессор своего организма, – заявлял он и лечился самостоятельно. Как-то у папы заболел зуб.

– Я снял изоляционные ручки с пассатижей, потом прокипятил инструмент для дезинфекции, – рассказывал мне родитель, не сильно вдаваясь в подробности.

Однако воображение подсовывает мне детали в духе братьев Коэн. Борщевая папина кастрюля с веселенькими желтыми ромашками на синей потертой эмали. Старые стальные пассатижи в кипящей воде. Капли крови на желтой от курения бороде...

Разве можно после этого всерьез воспринимать жалобы брошенных отцом женщин, что, дескать, с ним было трудно.

А каково ему было с самим собой?

Когда все зубы у папы кончились, я обратил внимание, что дикция у него почти не поменялась.

– Как тебе удастся избегать шамкающей речи? – удивился я.

– Привычка держаться, сынок.

Ножны нужны

Раньше мне казалось, что отец очень специфически относится к моему, так сказать, творчеству.

Как-то раз он смотрел мой документальный фильм о горбачевской антиалкогольной компании и все сорок четыре минуты почему-то уссывался от смеха.

Я недоумевал. В фильме, разумеется, был юмор, но не до такой же степени.

– Прости, сынок, – сказал папа, снимая очки и вытирая слезы после просмотра. – Какая-то смешинка попала.

Сейчас я думаю, что он во время фильма вспоминал что-то свое. Папа ведь всегда любил выпить и пошутить.

В другой раз он сел смотреть мой детектив, заснул в самый саспенс и захрапел самым подлым образом.

– Не думай, сын, что мне неинтересно, – проснувшись, сказал он, совершенно не смутившись, – просто сморило что-то.

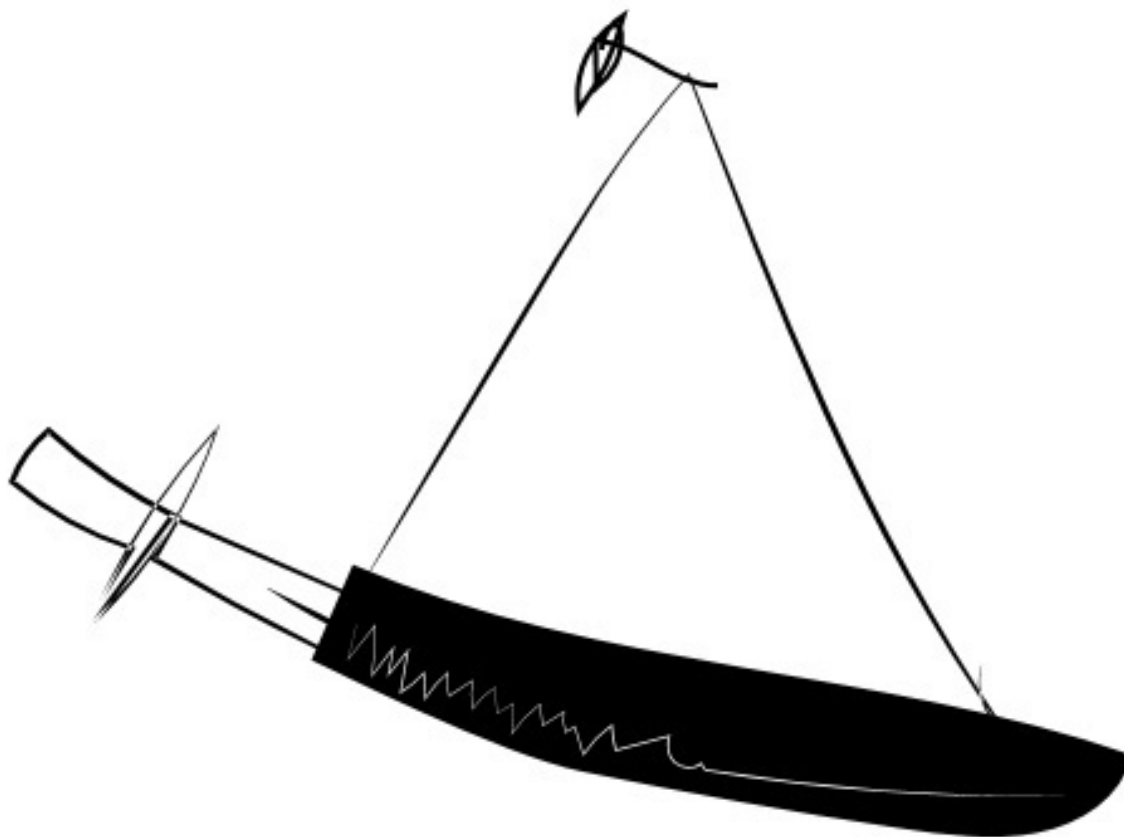
Однажды я показал ему свой текст.

– Ножны нужны, – задумчиво сказал папа, прочитав его.

– Что? – не понял я.

– Ножны. Твой текст – это сабля, а сабле нужны ножны...

Не хватает мне его перформансов, что сказать.

Инсульт

Когда у отца случился инсульт, я навещал его в больнице.

Вначале их было трое. Потом одного выписали, и в палате остались папа и его сосед, мужчина лет восьмидесяти. Старик умирал. Он стонал, метался по кровати, скидывал простынь и оставался голый на подстеленной под тело бурой клеенке.

– У-а-у-а – а-у-а, – то угрожающе, то монотонно, без конца стонал он, то увеличивая, то уменьшая громкость.

Лысый, беззубый, голый, худой и очень длинный, под два метра ростом, он напоминал чудовищных размеров агукающего младенца.

Отцу тоже досталось, у него отнялась левая сторона. Он не мог ходить, левая рука висела плетью. Мне было страшно. Кроме меня помочь отцу было некому. А как это сделать, если я сам студент?

Я работал дворником, но этих денег едва хватало, чтобы выживать самому.

С утра я убирался на участке, потом шел в институт, после учебы – снова участок, вечером – больница.

В один вечер я пришел к отцу и попал на ужин. Сестра-хозяйка вкатила тележку с едой.

– На этого давать? – сестра кивнула на старика-младенца.

– Разумеется, – сухо сказал отец, – не видите разве? – Отец глянул на соседа. – У него сегодня разыгрался отменный аппетит.

Сестра посмотрела на койку.

Старик лежал голый поперек кровати поверх скомканной простыни и теребил свой член. Перед смертью он ощупывал себя, как бы прощаясь со своим самым важным органом.

Сестра, поджав губы и не смотря на играющего со своим членом старика, поставила тарелку пюре с котлетой, булочку, салат и компот на его прикроватную тумбочку и вышла из палаты, громыхая впереди себя тележкой.

– Бери его ужин и ешь, – сказал отец. – Ему уже незачем...

Помедлив, я с аппетитом съел пюре и котлету умирающего. После ужина отец захотел курить.

Я помог ему перебраться в кресло-каталку и повез по длинному больничному коридору в курилку. Но по дороге, почти напротив поста, папа неожиданно достал «Приму» и, чиркнув желтым «Крикетом», с удовольствием затянулся.

– Ты че творишь?! – чуть не поперхнулся я от возмущения.

Папа с удовольствием выпустил дым и затушил сигарету о колесо каталки.

– Люблю, знаешь, в машине покурить, – сказал он и строго посмотрел на меня.

– Да? У тебя же никогда не было машины?

Он промолчал.

В курилке он снова достал «Приму», угостил меня, мы закурили. Я не любил сигареты без фильтра, табак прилипал к губам, его все время приходилось сплевывать.

– А этот-то, – отец вспомнил своего умирающего соседа по палате, – в молодости, должно быть, грозным ебакой был.

Папа и психи

У отца был друг психиатр. Он носил чеховскую фамилию Калошин и любил перформансы.

Раз доктор Калошин затеял массовый совместный забег пациентов и медперсонала вокруг здания психиатрической клиники. Папа очень воодушевился идеей, обещал участвовать и прибыл в означенный день из Москвы в больницу Хотьково.

Единственное – папа выпил с утра у себя на кафедре в Лесотехническом институте, где преподавал литературу, поэтому опоздал и забыл взять с собой спортивную форму.

Я там не был, историю знаю по рассказам. Но живо вижу, как в солнечный майский день мой поддатый и невероятно бодрый папа бежит кросс в окружении людей в белых халатах и в полосатых пижамах. Сам он, с седой бородой, в костюме-тройке, бежит босой, сняв туфли для удобства. И бежит он как бы вместе с ними. Но все же отдельно от психов и докторов.

Мне кажется, в этой истории весь мой папа.

Помывка

Папа позвонил из больницы и очень уклончиво сообщил, что сходил под себя. Приехав в отделение гнойной хирургии, где он лежал с гангреной ноги, я обнадежил его, что помощь подоспела.

Потом пошел к сестре-хозяйке, взял моющее средство, помыл общую ванну в отделении. Вернувшись в палату, я помог отцу перебраться с кровати в кресло-каталку, по коридору мы доехали в ванную. Там папа с божьей и моей помощью как-то так удачно скинул одежду, что предстал передо мной голый и чистый.

Я усадил его на доску, которая лежала поперек ванной, сам разделся по пояс и начал его мыть. Через некоторое время стало жарко, окна запотели, папа взбодрился, разругался.

Лысый, с седой бородашкой, с одним зубом, в мыльной пене, папа стал похож на хитрющего старика, мошенника Саваофа на облаке – сатирическое изображение из советского атеистического журнала.

Помыв его со всех удобных сторон, я вложил папе в единственную здоровую руку мыло и велел мыть пах самостоятельно.

Папа ловко ухватил мыло и стал намыливать руку, не разжимая кулака.

– А почему бы, сынок, – спросил он, посмотрев на меня своим хитрющим взглядом, – тебе бы не помыть папе коки?

Сифилис

Когда отцу ампутировали ногу, я нашел ему сиделку с проживанием. Иногда еще помогала социальная работница Татьяна, статная, симпатичная женщина лет сорока.

Однажды я узнал, что Татьяна отказалась работать с папой.

Звоню спросить, в чем дело. Выясняется, что Татьяна пришла, когда сиделки не было дома, и папа стал к ней приставать.

– Он меня грязно домогался, это невозможно! – раздраженно сообщила Татьяна и швырнула трубку.

– Дура, – невозмутимо ответил мне папа (он всегда становился холоден и невозмутим, когда его уличали в каких-нибудь проступках), – это у меня ноги нет, а все остальные органы работают нормально.

Чуть позже у отца обнаружили сифилис.

Это было на комиссии, которая должна была подтвердить инвалидность первой группы. Затея, на мой взгляд, бессмысленная. Как будто у папы могла заново отрасти нога.

Я привез его на кресле-каталке в поликлинику, и мы ездили по разным кабинетам. В какой-то момент из одного кабинета вышла взволнованная медсестра и показала нам бумагу, анализ крови с тремя крестами – уверенно положительный результат на реакцию Вассермана.

Папа стоически принял известие, не удивился, только немного наморщил лоб. По его лицу и по тому, как он шевелил губами, видно было, что он что-то подсчитывает, прикидывает.

Закончив подсчеты, папа глубоко вздохнул.

Зная отца, я тоже расстроился и стал думать.

Незадолго до инсульта он подобрал на улице женщину. Галина освободилась из заключения, где отбывала срок за убийство мужа, и жила под платформой.

Папа привел ее к себе, отмыл, накормил, обогрел.

Я был шокирован этой новостью. И в один день, после занятий в институте, тревожась за отца, приехал к нему.

Было лето. Галина, сияя, хозяйничала в доме, готовила, накрывала на стол.

Папа царственно возлежал на диване и добродушно наблюдал за происходящим.

На улице щебетали птицы, за окном буйно и сочно зеленел папин огород, заросший дикими травами.

Было видно, что Галя сильно робеет отца, что она впервые оказалась в компании человека, который живет в окружении книг, мыслей, что-то печатает на машинке, говорит как по писаному.

– Ты знаешь, мне кажется, я разбудил в ней женщину, – тихо, чтобы не слышала Галина, но со значением сказал мне папа.

Чуть раньше у него была другая приятельница.

По его словам – сногшибательная красотка, дорогая валютная проститутка, которую вызывали в болшевский дом творчества какие-то состоятельные творцы.

Папа с ней познакомился, когда она возвращалась с работы.

– Лена – выпускница филфака, – рассказывал мне он, – разговорились, позвал ее к себе. Выпили, почитал ей свои вещички, она прониклась.

– Старик, ты гений, я дам тебе бесплатно, – цитировал отец Лену. – Теперь нет-нет да и заходит...

Сегодня вспомнил по дороге на работу. Шел и думал, что никто не может похвастаться таким отцом.

Хотя, конечно, пока папа был жив, он часто бесил меня своими выходками.

Однажды он пропил мою сумку с инструментами, которую я привез в Москву, думая подрабатывать в свободное от учебы время электриком.

Другой раз он пропил магнитулу «Шарп», заработанную мной на озеленении, где я несколько дней с утра до вечера поздней осенью копал ямы по два доллара за штуку под посадку деревьев.

Когда я был студентом и мне часто нечего было есть, я от отчаяния иногда всерьез думал кого-нибудь ограбить на улице. Я ужасно злился на отца, что он не может помочь, что у него у самого никогда нет денег. И что это мне приходится ему помогать.

Сейчас понимаю, что это сделало меня сильнее.

Да, папа не оставил мне никаких материальных благ.

Но он дал мне что-то такое драгоценное, что трудно проговаривается.

Главное – у него всегда было свое собственное мнение. Иногда, в минуты отчаяния, я обращался к нему за советом.

И всегда это было нетривиальное предложение. Что-то такое, похожее на буддийский коан, над которым требовалось сильно поломать голову. И это тоже бесило меня, но заставляло думать и ломало шаблоны.

Он был невероятно щедрый и добрый человек – мой отец.

Да, и та реакция Вассермана на медкомиссии оказалась ошибкой. Никакой сифилис не мог пристать к нему.

И еще: однажды папа подарил мне мечту, которая стоит дороже миллиона. Но об этом в другой раз.

Кумган

Папа любил выпивать с моими однокурсниками. Мое отсутствие его не смущало, наоборот – приободряло. Особенно он любил заходить в общагу. Тем более что я там уже не жил начиная со второго курса.

Однажды образовалась проблема с закуской: не в чем было сварить пельмени. Водка есть, стаканы есть, кастрюли нет. Тогда папа предложил сварить их в кумгане. Этот металлический длиннорылый кувшин с ручкой-крышкой и длинным носиком я раньше привез от отца, чтобы хоть как-то украсить нашу комнату с ее желтыми ободранными обоями, и поставил его на книжную полку.

Когда водка была выпита и пельмени съедены, папа раскрыл истинное назначение сего азиатского кувшина.

– Кумган, – сказал папа холодно, вытирая жирный от пельменей рот тыльной стороной ладони, – это сосуд для подмывания в сортире.

Урок географии

Как-то я приехал к отцу и застал его с глазами, полными слез:

– И танцует он от Смоленска до Амура, – приговаривал папа, – и от Байкала до моря Лаптевых...

– Кто танцует-то? – спросил я. В этот момент я принялся и почувствовал сильный запах спиртного.

– Кто-кто?! – слезы хлынули у отца градом. – Русский человек!

«Ну начинается», – подумал я.

– Ну танцует же, – предпринял я аккуратную попытку успокоить папу.

– Как ты не понимаешь, это же крест!

– Крест?

– Ты карту вспомни, – он покрестил рукой воздух: – От Амура и до Смоленска. И от Байкала до моря Лаптевых.

Часы на башне

В начале Сретенского бульвара есть современный дом с башней и часами.

В этом доме жил друг моего отца Георгий.

Они познакомились много лет назад на Мангышлаке, в колонии строго режима, где добывали уран открытым способом. Георгий отбывал там срок за растрату, а мой отец работал вольнонаемным инженером. В тюрьму капитан первого ранга Георгий попал из-за жены: она похитила деньги из рабочего сейфа мужа и уехала с любовником на юг.

Все, кто знал этого блестящего морского офицера, армянина, умницу и красавца, говорили, что тюрьма его подлюмила. После отсидки он ни дня не работал официально, зарабатывал на жизнь тем, что писал диссертации на заказ.

Георгий был влюблен в мою маму. Когда она приезжала в Москву в командировку, то часто останавливалась у него.

– Будешь обижать Надю, я тебя убью, а сам на ней женюсь, – угрожал Жора отцу.

Потом, когда отец переехал в Москву, они редко виделись, чаще созванивались.

– Ты почему не заходишь ко мне? – сердито спрашивал Жора.

– Зайду, когда починишь часы на башне своего дома, – отвечал отец.

Вчера шел мимо, поднял голову, посмотрел на башню – часы идут. Георгий давно умер, отца тоже нет, осталась только эта история.

Петух

Отпевали папу в небольшой часовне в Подлипках.

Было человек десять, но помещение часовни было мало, все стояли близко, поэтому казалось, что народу много.

Отец Феликс, знакомый отца, бывший джазовый музыкант, угрюмо читал Псалтырь. Женщины плакали, мужчины крепились, все держали в руках горящие свечи.

Папа лежал в гробу в своем старом сером учительском френче. С желтым лицом и заострившимся носом он стал похож на большую искусно сделанную деревянную куклу.

«Нестерпимо скорбно... – думал я. – Ты бы не одобрил, отец». Пожилая седая женщина, старинная приятельница отца, стоявшая рядом со мной, капнула горячим воском мне на руку.

Я вспомнил, как его выгнали с работы из института за то, что он по пьяни метнул кактусом в профессора, завкафедрой марксизма-ленинизма.

Был бы ты здесь, отец, ты бы обязательно отмочил какую-нибудь штуку. Что-нибудь из ряда вон.

В этот момент в часовне кто-то вдруг крикнул петухом.

Я обомлел.

Звук был негромкий, но я отчетливо услышал «кукареку!».

Я огляделся вокруг, лица всех присутствующих по-прежнему являли скорбь.

Нет, на такое способен только папа.

Корабль

Однажды мама попросила отца обшить балкон.

Он закрыл балкон рифлеными листами металла. Вверху и внизу железного листа он гвоздем пробил отверстия, через них продел стальную проволоку и прикрутил обшивку к решетке балкона. Конструкция получилась надежная и крепкая, но немного кривая. Мама очень критиковала папу: в некоторых местах листы прилегали неплотно, в непогоду, ударяясь об решетку, они начинали сильно греметь.

Когда же наступала осень и начинали дуть штормовые ветра с Балтики, листы ужасно грохотали.

Господи, как же хорошо мне засыпалось под этот грохот в нашей угловой, открытой всем ветрам квартире на пятом, последнем этаже панельного дома.

Ночью, лежа в кровати, я представлял себя матросом во время шторма.

Ураган, как злой великан, рвал снасти корабля, поднимал его в черную небесную высь и швырял в самую бездну.

Но я был безмятежен и сладко засыпал, зная, что мой корабль выдержит любую бурю, потому что его построил отче.

Древо

Миха

«Выбирай, что хочешь», – сказала мне бабушка Клава, когда мы с мамой приехали к ней в гости в Корсунь и пришли в магазин, где она работала продавцом.

Я его сразу увидел, еще до того, как бабка расцеловала меня. Это был большой белый медведь с выразительными черными глазами. Солнечный свет из окна весело серебрил его искусственную шерсть. Мне кажется, он тоже меня выбрал. Ровно в тот момент, когда я перешагнул порог бабкиного магазина, он распахнул мне свои объятия, вернее, свои лапы.

Мне было семь, и я был высоким мальчиком. Но медведь был выше меня и немного шире в плечах. Я сразу понял – мы отлично поладим.

– Вон его... – показал я на медведя, – Миху... – и рот мой растянулся до ушей.

Медведь, как мне показалось, в ответ тоже одобрительно кивнул. Конечно же, ему смерть как надоело сидеть на полке, по соседству с трехлитровыми банками компота, кругами колбасы, солью, спичками и всякой другой чепухой, думал я.

Бабка оглянулась на Миху, по ее лицу прошла судорога. Ценник. На него в семь лет не обращаешь внимания. Игрушка оказалась неподъемно дорогой.

У моей бабушки Клавдии Яковлевны Поповой был сложный характер. Ее отец, мой прадед Яков Попов погиб во время Первой мировой в 1916 году в Галиции. Во время штыковой атаки русских немцы пустили хлор, зеленый ядовитый дым поднялся на высоту двенадцать метров. Яков замотал рот и нос портянкой, но все же умер, выхаркав легкие в лазарете. Клаве в это время был год.

Муж бабки, мой дед Григорий Плетнер, танкист, не вернулся с войны домой, женился на медсестре, выхотившей его в госпитале, куда он попал прямо из адища Курской битвы.

Война, эвакуация, послевоенная разруха. Все время одна с двумя детьми. И все время голод.

В конце сороковых, когда в Украине снова настанет голод, Клава, не выдержав, разделит детей, дочь оставит себе, а сына (моего папу) отвезет к отцу, в сытую Среднюю Азию. Поступок, который она всю жизнь будет считать малодушием, предательством сына.

Пятидесятые – Клавдия Яковлевна выходит замуж за железнодорожного мастера Александра Александровича. «Очень хороший, очень добрый человек», хором скажут все родственники про Сан Саныча.

Я тоже его помню: милый, ласковый дедушка, игравший в клубе железнодорожников на балалаике. Он и рисовал неплохо. В ящике моего письменного стола до сих пор хранится его карандашный рисунок с надписью: «Веселому внуку Кириллочке от дедушки Саши».

Пожелтевший от времени альбомный лист. На нем красноармеец в буденовке и шинели, с винтовкой за плечом едет верхом кромкой моря. Четко и подробно прорисованные детали: шинель, оружие, конь. Восход солнца, трава пробивается сквозь песок, чайки кружат над морем.

Мне почему-то кажется, что Саныч нарисовал сам себя, еще до того момента, как попал плен, а потом в Освенцим, где его кастрировали.

«Странно, – говорил папа, – твоя бабка – женщина с бешеным темпераментом. Ей, может, было больше надо, чем обычной женщине, и тут такой выбор. Кастрат».

Возможно, это страх. Неудачный опыт первого замужества. И Клавдия Попова, у которой священники в нескольких поколениях, делает такой выбор. Тоже монашество в некотором смысле. И тут на арене появляюсь я с Михой.

Счастливый, я уношу своего приятеля, запакowanego в большой целлофановый пакет. Я крепко обнимаю Миху, пакет в моих руках шелестит, напоминая море. Я еще не знаю, что оказался в смертельной опасности.

– Как ты воспитываешь сына? – выговаривает бабушка Клава маме за кулисами. – Почему он у тебя такой наглец?! Он выбрал самую дорогую игрушку в магазине...

– Еще раз попросишь у нее что-нибудь! – Из маминых глаз летят молнии. Она берет меня за плечи и встряхивает. – Я тебя убью!

От рук мамы исходит такое электричество, что я понимаю: я погибну прямо сейчас. Еле выжил.

С тех пор прошло сорок лет, но мне и теперь подавай самую большую плюшевую игрушку в магазине. Самого большого белого медведя.

Я иногда, в принципе, даже знаю ходы, как заполучить ее, эту какую-нибудь крутышку. Но все же остерегаюсь: вдруг подует ветер, поднимется над землей на двенадцать метров зеленый ядовитый дым-хлор, и выйдут из него мои искалеченные жизнью, войной, несчастьями родственники, похожие на хтонических существ, и рывкнут на меня замогильным голосом: «Еще раз попросишь что-нибудь! Мы тебя убьем!»

Крым

Сегодня что-то мелькнуло в новостях про Крым. То ли кто-то его снова признал, то ли снова не признал, бог весть.

Вдруг всплыло детское воспоминание, как мама, я и мой старший брат однажды в июне отправились из станицы в Краснодарском крае, где жила бабушка, к деду Ивану в Керчь на грузовике.

Мамин брат дядька Сергей договорился со знакомым водителем, который ехал из станицы в Темрюк, чтобы тот, сделав небольшой крюк, доставил нас к паромной переправе в порт Кавказ, откуда морем мы должны были добраться до Керчи.

Мы выехали задолго до рассвета, чтобы добраться до порта до жары. Над черным кубанским небом сверкали ледяные звезды, стояла холодная ночь.

Мы с мамой поехали в кабине, рядом с водителем, а Вовка в кузове. Я завидовал старшему брату. Хотя ему и было велено не высовываться, чтобы его не заметили гаишники.

Водитель был хмурый, неразговорчивый. Он разозлился, когда мама попросила его остановиться, чтобы узнать, как там Вовка, не околел ли в кузове на предрассветном ветру.

ЗИЛ остановился, мама встала на подножку, заглянула в кузов. Я вслед за мамой встал на подножку на цыпочки и тоже посмотрел.

Мы обмерли: Вовки в кузове не было.

Но в углу вдруг зашевелилась куча тряпок, и из нее явил посиневшее от холода лицо Вовка. Оказалось, он оделся во все, что нашел в кузове. Поверх своего свитера закутался в замасленную телогрейку водителя, сверху укрылся драным стеганым одеялом, а венчала его наряд шапка-петушок. Мой одиннадцатилетний брат важно и сердито сообщил нам, что, мол, глупости, ему совсем не холодно, и мы должны немедленно, не теряя времени, ехать дальше. Мы с мамой вернулись в кабину, водитель раздраженно подергал ручку передач, тронулись.

Скоро на небе появился белый, прохладный диск солнца.

Я жадно смотрел, как черный асфальт убегает из-под колес. От меняющихся красок захватывало дух. На зелено-желтые поля подсолнухов вдруг решительно наступали войска пшеницы: миллионы пехотинцев со своими короткими серебряными пиками наперевес выстраивались в бесконечно правильные колонны. С берегов рисовых каналов вдруг взлетали серые утки. Среди зеленого, желтого, золотого вдруг неожиданно показывались и исчезали головы разведчиков – синих васильков или красных маков. Или вдруг – раз! – встречный хлопок-выстрел:

мимо на скорости проносился автомобиль, чаще грузовик, фура, реже – легковая машина.

Но ближе к обеду, когда желтый шар, постепенно поднимаясь по небу, набрав жара, устроился в самом зените, я устал. В кабине стало душно, неизвестно откуда появилась муха. Пыль тоже самым подлым, контрабандным образом просочилась в кабину и противно скрипела на зубах.

Меня укачало. Смена пейзажей за окном не радовала, а раздражала, муха жужжала, действуя на нервы, и я стал канючить, через каждые пять минут спрашивая: «Когда мы приедем?»

Водитель снял рубашку и сидел в майке, обнажив волосатые плечи. Одной голой рукой он рулил, а другой вытирал с небритого лица бисеринки пота серым несвежим платком, при этом недобро косясь на меня. Он, как и мама, устал от моего нытья. Вскоре мама накричала на меня, чтобы я замолчал, и я уже с трудом сдерживал слезы. Сидел сопел и думал: когда же будет конец моему мучению, этой жужжащей мерзкой мухе, этому водителю – африканскому Бармалею, этой проклятой дороге, которой все нет и нет конца?

Спасение неожиданно принесла она же, дорога, открыв перед нами море. Оно явилось волшебным образом сразу с обеих сторон дороги, блеснув сначала слева – искрящимся на солнце зеркалом и отразившимися в нем белыми облаками. И тут же – справа, когда я, бешено крутя ручку, опустил стекло. Оно обеспокоенно вскрикнуло голосом чайки, дохнуло свежестью, запахом йода, рыбы и счастья.

Грузовик выехал на тонкий перешеек косы. Восхитительная асфальтовая дорога текла прямо посреди спокойного моря, такого же светло-голубого небесного цвета, как морда нашего ЗИЛ-130.

Все плохое сразу улетучилось.

Мы сделали остановку, мама накрыла на обочине, расстелив салфетку на траве. Бутерброды с колбасой и куриные ножки легли в сторону Керченского пролива, яйца, помидоры и огурцы – в сторону Таманского залива. Термос с чаем, как маяк, указал путь к порту Кавказ, до которого было уже рукой подать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.